

Г. В. БАКУС

ИСКУШЕНИЕ ТРАДИЦИЕЙ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ АВТОРОВ РАННИХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ

Статья посвящена авторским стратегиям обоснования правомерности преследования за злонамеренное колдовство (*maleficium*) в демонологических трактатах конца XV в. – сочинениях Генриха Инститориса (*Malleus Maleficarum*, *Der Nürnberger Hexenhammer*) и Ульриха Молитора (*De Laniis et Phitonices Mulieribus Teutonice Hexen vel vncholden*). Созданные после скандала вокруг инквизиционного дознания Генриха Инститориса в Инсбруке, эти сочинения содержат интерпретации злонамеренного колдовства через отсылку к предшествующей книжной традиции. Описывая *maleficium* оба автора стремятся обозначить особый статус личного опыта в деле преследования ведьм, используя собственные сочинения для коммуникации со светскими и церковными властями.

Ключевые слова: демонология, *maleficium*, «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), интеллектуальная культура, инсбрукское преследование ведьм

«Почтенным и мудрым господам, бургомистру и совету города Нюрнберг. Брат Генрих Крамер из Ордена проповедников, доктор Священного Писания, Папский посланец и инквизитор и т.д. [шлет] привет». Этим авторским приветствием начинается письмо, предшествующее т.н. «Нюрнбергскому руководству», небольшому сочинению на немецком и латинском языках, которое не имеет собственного названия и известно в виде единственной сохранившейся рукописи¹. Очевидно, сама «книга» (*buoch*), содержащая рекомендации по искоренению ведьм, не несла в себе каких-либо интеллектуальных претензий, но задумывалась исключительно как практическое руководство, значимость которого проистекает из опыта человека, составившего ее. Она не предназначалась для широкого распространения и, тем не менее, выполняла важную коммуникативную функцию, поскольку выступала частью обращения инквизитора к официальным лицам города Нюрнберг.

Автору «Нюрнбергского руководства» было суждено снискать большую известность под латинизированным вариантом собственного имени – Инститорис. Вместе с Якобом Шпренгером он упоминался в булле папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*, пятью годами ранее даровавшей обоим доминиканцам статус инквизиторов еретического нечестия (*inquisitor heretice pravitatis*) и, позднее, неизменно публиковавшейся в «Молоте ведьм» непосредственно перед текстом трактата. Судьба сочинений сложилась по разному – *Malleus Maleficar-*

¹ “Den Erbern vnd weisen herrn purgermaister vnd Ratt der statt nürnberg. Brüder heinrich kramer prediger Ordens doctor der heiligen geschriff. Vnd Bapstlicher commissarius und Inquisitor etc. hayl”. – Kramer (*Institoris*) 1992.

ит выдержал 28 изданий в ближайшие два столетия², тогда как единственный экземпляр т.н. *Nürnberger Hexenhammer* пребывал в неизвестности вплоть до конца XX в., когда его и обнаружили исследователи. Однако эти книги сближает то, что обе они изначально в своей структуре содержали документы, отражавшие момент коммуникации с представителями светских и церковных властей. Булла Иннокентия VIII и послание к городскому совету предваряют собой собственно текст сочинений, распространяя на рассматриваемые в книгах вопросы авторитет упомянутых институтов. Очевидно, что в случае с *Malleus Maleficarum* этот прием выглядит уловкой, рассчитанной на создание благоприятного отношения читателей к тексту, ставшему попыткой интеллектуального реванша за унижительные обстоятельства, при которых Генриху Инститориусу пришлось прекратить свою деятельность в г. Инсбрук³. Как бы то ни было, здесь мы сталкиваемся с элементом авторского позиционирования, своего рода заявления об особой социальной значимости текста, следовавшего за документом.

Подобную логику демонстрирует еще одно сочинение против ведьм, также увидевшее свет в результате инсбрукского скандала – трактат Ульриха Молитора *De Laniis et Phitonicis Mulieribus Teutonice vnholden vel hexen*. Это краткое сочинение тоже имело в своей структуре Послание (*Epistola*), адресованное светскому властителю Тироля Сигизмунду Габсбургу (1439–1490) – «Наипревосходнейший Князь и Господин, Господин Эрцгерцог наипочтеннейший, нижайший Ульрих Молитор, Доктор из Констанца, предоставляет себя в услужение твоему Высочеству»⁴. Специфической особенностью данного сочинения является принцип организации материала – текст представлен в виде диалога (вернее – триалога), *dramatis personae* которого были лицами историческими, хорошо знакомыми современникам⁵. Помимо самого Ульриха Молитора, в текст повествования были введены ещё два действующих лица. Ими были бургомистр Констанца Конрад Шатц (*Conradus Schatz, Prætor meæ ciuitatis /burgermaister zû costentz*) и, наконец, сам адресат книги – последний представитель Тирольской ветви дома

² Kramer (*Instititoris*) 2015. S. 803.

³ Broedel 2003. P. 18.

⁴ Латинский текст – *Excellentissime princeps & domine, domine archidux colendissime, humilis vlricus molitoris de constantia doctor, tue celsitudinis sese in obsequium offert*⁴; немецкий текст – *Durchleichtigster fürst. Eernreicher großmechtiger erzherzog deiner fürstmechtigen genaden erscheint sich vnderteniger diener Ulricus molitoris von costenz in den rechten doctor zû allen diensten gerhorsam*.

⁵ По мнению Л.М. Баткина ренессансные диалоги писались либо вслед действительно происходившим спорам, либо придумывались начисто; однако их неотъемлемой чертой было то, что их участниками были не аллегорические фигуры, а индивидуально определённые, реальные люди, хорошо всем известные в кругу, к которому принадлежал и сам автор. – Баткин 1976. С. 175.

Габсбургов Сигизмунд, который в трактате именуется «светлейшим князем, эрцгерцогом Австрии, Штирии, Каринтии и пр.» (*Illustrissimus Princeps, Dominus Sigismundus Atchidux Austriae, Stiriae, Carinthiae, & c.*).

Идентификации участников диалога как реальных исторических лиц способствует также первая иллюстрация трактата, на которой изображены все три участника и рядом с каждым изображен герб. Эта гравюра представляет собой развитие сюжета, характерного для «презентационной миниатюры» (*presentation miniature*) средневековой рукописной книги, на которой запечатлевался момент преподнесения книги патрону или заказчику⁶. Как указывает Р. Шартье, в первопечатных книгах этот сюжет эволюционирует в три основные композиционные решения: 1) поднесение книги как таковое отсутствует, но в одном пространстве изображены автор и государь, которому предназначено произведение; 2) изображение жеста поднесения и вручения книги, переходящей из руки автора в руки адресата; 3) изображение автора, читающего свое произведение властителю, которому он его подносит⁷. Гравюра из трактата Молитора относится к первому типу, с той поправкой что изображены даже не автор (Ульрих Молитор) и адресат (Сигизмунд Габсбург), но все три персонажа диалога (Сигизмунд, Молитор, Шатц) *in conuersatione*. Надо полагать, что своеобразное решение, на которое пошёл Молитор, включив эрцгерцога Сигизмунда Австрийского в качестве персонажа в своё сочинение, не было исключительно данью этикету. Оказавшись в пространстве текста вместе с государем, автор тем самым обозначает и собственный статус как лица, приближённого к особе правителя, в т.ч. – в решении вопросов, стоящих перед властью. Как замечает Р. Шартье, для писателей, ученых, художников, стать клиентом или придворным, оказаться в прямом подчинении у государя – зачастую единственный способ обрести независимость, недоступную в силу традиционной принадлежности к университету или ремесленной корпорации⁸.

Таким образом оба интересующих нас автора, оставили после себя книги, апеллирующие так или иначе к авторитету власти в решении актуальной социальной проблемы злонамеренного колдовства (*maleficia*). В целом, ситуация с инсбрукскими текстами хорошо иллюстрирует известный тезис М. Фуко – «нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти»⁹.

Создание и публикация «инсбрукских» текстов укладываются в небольшой промежуток времени, их объединяет общее предметное по-

⁶ Brown 1994. P. 102.

⁷ Шартье 2006. С. 84.

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Фуко 1999. С 42.

ле, однако взаимные упоминания в них отсутствуют. Оба автора не упоминают друг друга – как Ульрих Молитор (закончивший свое сочинение в январе 1489 года, т.е. спустя 3 года после первой публикации «Молота ведьм»), так и Генрих Инститорис (вновь обратившейся к теме преследований ведьм в 1491 г.) равно стремились избегать как положительных, так и полемических высказываний в адрес другого «специалиста», предпочитая описывать проблему, что называется, «с чистого листа». При этом «Нюрнбергское руководство» содержит значительное количество отсылок к «Молоту ведьм», едва ли не превышающее количество упоминаний других авторов – по всей видимости уже опубликованный трактат выступал хорошим аргументом, подкрепляющим и расширяющим тот или иной тезис прикладного руководства, адресованного городским магистратам.

Особенность данной интеллектуальной ситуации состоит в том, что интересующие нас сочинения Генриха Инститориса и Ульриха Молитора в хронологическом отношении являются второй попыткой теоретического осмысления злонамеренного колдовства как явления, после серии трактатов, появившихся во второй четверти XV в.: «Записки» Ганса Фрюнда, «Муравейника» (*Formicarius*) Иоанна Нидера, анонимного трактат «Ошибки газариев» (*Errores Gazariorum*) и сочинения *Ut magorum et maleficorum errores* Клода Толозана¹⁰. Р. Кикхефер предложил для этих текстов понятие «парадигма Лозанны», под которым подразумевается мифология ведовства, сложившаяся в западной Швейцарии и прилегающих к ней территориях и включающая специфический набор признаков, характеризующих предполагаемые преступления ведьм в ранних процессах (участие в собраниях с демонами и обучение чародеяниям у них, отрицание веры, убийство детей и использование их останков в магических целях)¹¹. Кикхефер скептически оценивает устойчивость данного ведовского стереотипа, так как содержание инкриминируемых преступлений в сопредельных регионах демонстрировало тенденцию к изменчивости отдельных компонент. В связи с этим перед нами возникает проблема возможной преемственности взглядов на злонамеренное колдовство в сочинениях, относящихся к «парадигме Лозанны», и в «инсбрукских» текстах 1480-х гг.

De Laniis et Phitonicis Mulieribus Ульриха Молитора не содержит каких-либо упоминаний ранее написанных текстов против ведьм. *Mal-leus Maleficarum* из всех текстов «парадигмы Лозанны» обращается только к произведениям Иоханнеса Нидера, популярного богослова первой трети XV в., также принадлежавшего к доминиканскому ордену. Тексты последнего выступают источником для обширного цитирования в «Молоте ведьм», которое подчас включает значительные фраг-

¹⁰ Kieckhefer 2013. P. 160-165.

¹¹ Ibid. P. 161

менты со справочным аппаратом или блоки *exempla*, как, например, можно наблюдать в случае с «примерами» о чудесах воображаемой кастрации святых – фактически авторы «Молота ведьм» цитировали Нидера, в пересказе которого пришли цитаты из сочинений Иоанна Кассиана, Григория Великого и Гераклита Александрийского¹². Перенос значительных фрагментов текста в данном случае означал ещё и нарушение логики оригинального сочинения, поскольку для Нидера эти чудеса были примером преодоления греха сладострастия, лежавшего в основе ряда проявлений колдовства, тогда как Генрих Инститорис в качестве противодействия *maleficia* рассматривал иные средства. В данном случае цитирование не означало преемственности взглядов авторов двух сочинений. Как отмечает Р. Кикхефер, собственный опыт Генриха Инститориса демонстрирует мало общего с принципиальными элементами «парадигмы Лозанны» несмотря на сильное влияние Нидера. Это наблюдение косвенно подтверждается тем, что в «Нюрнбергском руководстве» Нидер не упоминается вовсе.

В число интеллектуальных ориентиров для авторов «инсбрукских» трактатов против ведьм неизбежно попадают Священное Писание, сочинения отцов церкви (прежде всего, Августина) и некоторые популярные богословы (Фома Аквинский, Петр Дамиани). Некоторые индивидуальные предпочтения можно выявить уже по числу упоминаний того или иного общепризнанного авторитета. Так, для Молитора очевидным ориентиром выступали труды Августина, тогда как для авторов «Молота ведьм» характерен более нейтральный подход с привлечением значительного количества сочинений известных богословов и ученых, среди которых есть место и Августину, и Фоме Аквинскому, а также — Исидору Севильскому, Альберту Великому и многим другим.

Признание авторитета интеллектуальной традиции в обоих текстах имеет наглядное выражение в виде обширного списка цитируемых сочинений, однако доминиканцы стремятся обозначить преемственность собственных взглядов на природу злонамеренного колдовства сложившейся ранее системе представлений о предосудительных, с точки зрения Католической церкви, магических практиках¹³, тогда как для Ульриха Молитора ориентиром выступала классическая древность. Вергилий, Апулей, Сократ упоминаются на страницах «О ланиях и женах-прорицательницах» в качестве самодостаточных и значимых авторитетов, свидетельства и суждения которых заслуживают самого при-

¹² *Henricus Institoris O.P., Jacobus Sprenger O.P.* 2006. P. 384-385. Впрочем, объектом такого неизбирательного цитирования выступал не только Нидер, но и другие авторы: так, упоминаемый и Генрихом Инститорисом, и Ульрихом Молитором Петр Дамиани попал в «Молот ведьм» благодаря цитате из Винсента из Бовэ.

¹³ *Que rationi consona et scripturarum traditionibus non dissona. (Henricus Institoris O.P., Jacobus Sprenger O.P.* 2006. P. 242).

стального внимания – такой подход к проблеме резко контрастировал со способами аргументации, традиционными для прочей демонологической литературы. Вместе с тем, явные стилистические предпочтения Ульриха Молитора в отношении классического латинского наследия (наиболее наглядное проявление этого – форма изложения и упомянутое выше внимание к ряду авторов) оказываются в значительной степени нивелированы за счет обильного использования агиографии и памятников канонического права. Кроме того, для *De laniis et pithonicis mulieribus* также характерны вторичные цитаты, когда слова античных авторов даются через сочинения Отцов церкви: «так рассказывает Апулей, которого цитирует Августин» (*Narrat enim Apuleius prout eum recitat Augustinus*). Учитывая специфический характер сочинения Ульриха Молитора, мы не можем точно оценить масштабы использования «вторичных цитат», т.е. упоминания текстов, известных автору только по их упоминаниям в других книгах. Случай «Молота ведьм» в этом отношении гораздо более прозрачен, и это позволяет предположить, что спектр реального цитирования не так широк, как может показаться на первый взгляд, и это косвенно подтверждается минимальным количеством литературы, привлекаемой в «Нюрнбергском руководстве».

Таким образом, для рассматриваемых нами текстов характерна «интеллектуальная дальность», позволяющая обращаться для решения проблемы злонамеренного колдовства (*maleficium*) к традиционным для средневековой книжности авторитетам, минуя непосредственных предшественников на этом поприще из числа сочинений «парадигмы Лозанны». Очевидно, что мы имеем дело с явлением, описанным П. Зютмором, который, анализируя механизм функционирования средневекового художественного текста, указывает на одну специфическую особенность, а именно, то что текст всегда отсылает к некоему *auctoritas*, иногда входящему в него в форме цитаты, аутентичность которой (по современным меркам) порой сомнительна¹⁴.

Подобная ситуация не была уникальной особенностью демонологической литературы, но присутствовала также и в иных сферах мысли. Нечто подобное на примере трудов Жана Жерсона описывает Д. Хоббинс, предупреждая исследователей о возможности «логической ловушки», связанной с фокусированием внимания исключительно на истории идей. Эта «ловушка» препятствует правильной оценке значения того или иного автора: с этой позиции, Жерсон представляется в лучшем случае популяризатором, а в худшем – вторичным и неоригинальным автором, писавшим на закате лучшей эпохи¹⁵. В качестве выхода из этой ситуации Хоббинс предлагает перенос внимания на то, что

¹⁴ Зютмор 2003. С. 33.

¹⁵ Hobbins 2003. P 1331.

можно охарактеризовать как «культурное позиционирование» (*cultural positioning*) интеллектуала позднего Средневековья, т.е. на его общественный статус, связь с широкой публикой и, таким образом, его культурную значимость. И далее, «при более широкой постановке вопроса предметом здесь выступает проблема литературного творчества в культуре, ценившей не оригинальность, но приверженность к признанным авторитетам и вечной истине»¹⁶. Это наблюдение применимо и к интересующим нас текстам, для которых на первое место выступала не правильность логических построений, а соотнесенность с узнаваемым социальным ландшафтом. В случае с триалогом «О ланях и женах-проицательницах» и «Нюрнбергским руководством» ключевым элементом этого социального ландшафта выступал четко прописанный адресат в лице представителей власти, а для «Молота ведьм» главным оказывалась демонстрация принадлежности к сфере ученой культуры.

Остается открытым вопрос функционирования текста в культурной и коммуникативной среде, поскольку ранние демонологические трактаты появились в переломную эпоху для развития книжного дела. Сочинения, относящиеся к «парадигме Лозанны», были написаны до изобретения печатного станка, и большинству из них было суждено навсегда остаться в догутенберговском мире, так и не обретя собственных печатных публикаций. Это обстоятельство отчасти позволяет объяснить отсутствие преемственности идей относительно сущности *maleficium* у авторов, писавших на эту тему с разрывом в полвека в 1430-х и 1480-х гг. соответственно. Вместе с тем, пауза в пятьдесят лет не являлась обязательным условием забвения текстов предшественников, поскольку одно из сочинений обладало достаточной известностью, чтобы обрести себе прочное место в эпоху книгопечатания. Это трактат Иоханнеса Нидера *Formicarius*, снискавший немалую популярность практически сразу после создания, о чем свидетельствует то, что до наших дней сохранилось 27 рукописных копий. Эта популярность предопределила интерес печатников: первое издание «Муравейника» вышло в 1470 г. в Базеле, последнее – в 1692 г. в Хельмштадте. Всего насчитывается три издания, относящихся к периоду инкунабул, ещё как минимум пять вышли до конца XVII в., помимо этого периодически публиковалась отдельно Пятая часть трактата, частями или целиком, иногда – как приложение к «Молоту ведьм»¹⁷.

Судьба «инсбрукских» текстов в контексте бурно развивающегося книгопечатания также заслуживает внимания: два из них (трактат «Мо-

¹⁶ Ibid. Применительно к появлению трактатов «парадигмы Лозанны» Кiekehfefer упоминает разработку Хоббинсом идеи «публичного интеллектуала» (Kiekehfefer 2013. P. 162). Я считаю возможным и продуктивным продолжение ее обсуждения на материале текстов конца XV в.

¹⁷ Paccel 2001. С. 432; Klaniczay 2003. P. 6.

лот ведьм» и триалог «О ланях и женах пророчицах») закономерно демонстрируют большую открытость новым технологиям издательского дела. Как говорилось выше, *Malleus Maleficarum* выдержал 28 изданий в две волны: с 1486 по 1523 гг. (13 изданий, в т.ч. – шесть, относящихся к периоду инкунабул), и с 1574 по 1669 гг. (15 изданий). Историография расходится в оценке количества изданий сочинения Молитора, но цифры все равно оказываются впечатляющими. Р. Мюшембле отмечает наличие 15 изданий с 1489 по 1600 год¹⁸. В немецкой историографии фигурирует 20 изданий (отдельными книгами, в составе сборников и в качестве приложений к большим и известным трактатам) за тот же период¹⁹. Отечественный искусствовед Ц.Г. Нессельштраус, исследовавшая декоративное оформление немецкой первопечатной книги, указывает на 14 изданий только до конца XV в.²⁰ Обращает на себя внимание то, что эта книга одновременно увидела свет на латинском (11 изданий) и немецком (3) языках. Это соотношение укладывается в господствующую тенденцию того времени в немецком книгопечатании: на 1518 г. 90% издаваемых текстов приходилось на книги на латинском языке, и даже в 1570 г. их доля составляла 70%²¹. То, что сочинение Молитора существовало одновременно на латыни и на немецком языке, говорит о его чрезвычайной популярности среди современников и ближайших потомков, заставляя нас вспомнить о «Корабле дураков» Себастьяна Бранта, благодаря своей популярности также ставшем текстом-билингвой. Количество изданий *Malleus Maleficarum* и *De laniis et pithonicis mulieribus* говорит также о том, что эти тексты не утратили своей актуальности несмотря на появление во второй половине XVI в. новых книг о злонамеренном колдовстве, которые, как показывает исследование Е.Б. Мурзина, выдерживали 4-10 переизданий в течение нескольких десятилетий²². С фантастическим по меркам того времени успехом первых двух сочинений резко контрастирует судьба «Нюрнбергского руководства», который являлся, по своей концепции, близким аналогом трактата-триалога Ульриха Молитора, но так и не стал достоянием широкой публики. Последний эпизод представляется важным для понимания общей ситуации, поскольку он демонстрирует наличие архаичных стратегий презентации книги даже в конце XV в.

Здесь перед нами встает проблема, некогда обозначенная Р. Шартье – необходимость выявления «смысловых рамок», которые задаются конкретному тексту условиями, определившими его написание, и формами, обеспечивающими его передачу читателю, т.е. истории всех,

¹⁸ Мюшембле 2005. С. 99.

¹⁹ Geiling, Gawron 2006.

²⁰ Нессельштраус 2000. С. 185-186.

²¹ Бах 2005. С.143.

²² Мурзин 2002. С. 103.

кто так или иначе участвует в производстве, распространении и интерпретации дискурсов (авторов, издателей, печатников, читателей, зрителей)²³. Применительно к интересующим нас демонологическим сочинениям этот тезис может быть переформулирован следующим образом: может ли сам процесс издания привносить некие новые смыслы, которые не входили изначально в авторский замысел? Не возникало ли в этом процессе конфликта между первоначальными идеями и последовавшими позднее изменениями? Не сказало ли это, в конечном итоге, на исходной идентичности авторов в том виде, как они сами презентовали себя в своих текстах?

Первое из таких привнесенных означающих А.Х. Горфункель охарактеризовал как «знаковый смысл употребляемого в инкунабулах и палеотипах шрифта», обратив внимание на то, что для изданий текстов гуманистов использовалась антиква, в то время как готический шрифт, независимо от географии изданий, употреблялся в книгах средневековой культурной традиции²⁴. До середины XVI в. антиква не использовалась в изданиях «Молота ведьм», поскольку культурная принадлежность книги четко осознавалась ее первыми издателями²⁵. Примечательно, что первые издания трактата-триалога Молитора также набирались исключительно готическим шрифтом, несмотря на то, что этот автор не относился к клерикальным кругам и всячески демонстрировал в своем сочинении гуманистическую образованность. Если же отслеживать ситуацию с издаваемыми текстами в динамике, продлив хронологические рамки до конца XVI в., обнаруживается интересная тенденция к нивелированию маркирующего признака – вновь издаваемые латинские тексты «Молота ведьм» и о «Ланиях и женах-прорицательницах» набираются антиквой, в то время как немецкие издания трактата Молитора сохраняют готический шрифт. В последнем случае языковой «водораздел» подчеркивался за счет общепринятой практики выделять латинские слова и фразы курсивом, в результате чего иноязычные фрагменты должны были бросаться в глаза на фоне немецкого готического шрифта. Помимо изменения внешнего вида обработке подвергался и текст как таковой, что проявилось в существенной редакции, призванной сгладить наиболее заметные проявления «кухонной латыни» – в словах вновь появляются дифтонги и происходит определенная корректировка словоупотребления. Настоящим памятником подобной работы является издание 1580 г., вышедшее во Франкфурте-на-Майне под маркой печатника Николая Бассея²⁶. Однако наибольшим переработкам подверглась книга Ульриха Молитора – из неё пропало слово

²³ *Шартье* 2006. С. 11.

²⁴ *Горфункель* 1986. С. 163.

²⁵ Там же. С. 164.

²⁶ *Instititoris* 1580.

lania, встречавшееся в первых изданиях практически на каждой странице. Категоричность редакторов в этом вопросе продиктовала смену названия – оно теперь звучало как *Tractatus utilis et necessarius per viam Dialogi, de Pythonicis mulieribus* («Трактат полезный и потребный, в виде диалога о женах-прорицательницах»). С учетом того, что в современной историографии Молитор часто воспринимается как скептик в вопросах преследования ведьм (и противопоставляется тем самым Институту)²⁷, особого внимания заслуживает «синтез печатника», при котором «Молот ведьм» и триалог Молитора оказывались объединёнными буквально под одной обложкой в издании 1580 г. В последующие годы сочинение Ульриха Молитора стало едва ли не обязательным дополнением к тексту *Malleus Maleficarum* в продукции печати Николая Бассея, как это было в изданиях «Молота ведьм» 1588 и 1600 гг.²⁸

Однако самым интересным эпизодом в этой истории становится появление нового перевода на немецкий, отличавшегося точностью передачи смысла латинского текста. Претензия на совершенство была обозначена в подзаголовке: «Изначально 114 лет тому назад *Ульриком Молитором* из Констанца, доктором [гражданского и канонического] прав, на латыни в форме некой беседы составлен и ныне заново, вернейшим образом переложен на немецкий и разделен на верные диалоги Конрадом Лаутенбахом, [приходским] священником в Хунавайлере»²⁹. Весьма примечательно, что точность переводчика здесь соперничает с точностью текста, принадлежавшего перу самого автора. Латинское издание Бассея, равно как и перевод Лаутенбаха, достаточно определённо выражают отношение потомков к наследию Ульриха Молитора – он признавался ими как авторитет, сочинения которого требовали, выражаясь современным языком, филологической критики.

В качестве отправной точки для нас послужила идея немецкого историка В. Берингера о том, что европейский подход к проблеме колдовства можно охарактеризовать как «изобретение традиции» (в терминологии Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера), поскольку каждый из мыслителей, обращавшихся к ней (от бл. Августина до историка-романтика XIX века Жюлья Мишле), создавал собственную традицию отношения к этой антропологически обусловленной и потому присутствующей в большинстве известных обществ системе представлений о социально обусловленных причинах несчастий³⁰. Формирование корпуса демоно-

²⁷ Behringer 2007. P. 74.

²⁸ Geiling J. Gawron T. 2006.

²⁹ «Anfänglich vor 114. Jahren durch *Vlricum Molitoris von Cofinz der Rechten Doctor Lateinisch in form eines Gesprechs gestellet vnd jertz newlich auffz trewlichli verteutshet vnd in gewiffē Dialogos abgetheilet. Durch Conradum Lautenbach Pfarharrn zu Hunaweyler*». – *Molitoris* 1575. S.1.

³⁰ Behringer 2007. P.6.

логических сочинений хорошо иллюстрирует это предположение – сочинения, создававшиеся в результате ситуативных обращений к проблеме *maleficia* отдельными интеллектуалами, в процессе коммуникации на протяжении XV–XVI вв. претерпевали серьезную трансформацию, в которой значимую роль играла авторская идентичность. Случай Генриха Инститориса позволяет предположить, что изначально эта идентичность выступала как нечто неопределенное, требующее сложной стратегии отстранения от негативных аспектов персональной известности с последующим их преодолением за счет авторитета заново написанной книги, публикация которой оказалась неким «интеллектуальным капиталом» и открыла возможность для диалога с властями г. Нюрнберг. Более экстравагантное решение Ульриха Молитора, включившего в качестве персонажей в своё сочинение представителей власти, также служило способом утверждения собственного статуса – оказавшись в пространстве текста вместе с государем, автор тем самым обозначает свое положение как лица, приближённого к особе правителя, в т.ч. в решении вопросов, стоящих перед властью. В этих индивидуальных стратегиях мы можем увидеть своеобразную иллюстрацию тезиса Ж. Ле Гоффа о политической реализации власти институционализированного вёдения (*studium*), занявшей место рядом с властью церковной (*sacerdotium*) и властью государевой (*regnum*)³¹. В обоих случаях апелляция к книжной традиции выступала средством самоидентификации авторов, описания преемственности взглядов, выступая в качестве стратегии защиты в случае возникновения полемики. Длительный процесс бытования и тиражирования «инсбрукских» текстов, обусловленный внедрением книгопечатания, повлек за собой сглаживание авторского своеобразия под воздействием последующих редакций.

Ситуация вокруг «Молота ведьм», диалога «О ланиях и женах прорицательницах» и «Нюрнбергского руководства» представляет собой существенный исследовательский интерес с позиций интеллектуальной истории, поскольку проливает свет на природу и механизмы *translatio studii* в такой специфической сфере учёной культуры позднего Средневековья как демонология.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баткин Л.М. Итальянский гуманистический диалог XV века: Выражение стиля мышления в структуре жанра // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. [Batkin L.M. Ital'yanskii gumanisticheskii dialog XV veka: Vyrazhenie stilya myshleniya v strukture zhanra // Iz istorii kul'tury srednikh vekov i Vozrozhdeniya. M., 1976]
- Бах А. История немецкого языка / Пер. с нем. Н.Н. Семенюк; ред., предисл. и прим. М.М. Гухман. М.: УРСС, 2005. 344 с. [Bakh A. Istoriya nemetskogo yazyka / Per. s nem. N.N. Semenyuk; red., predisl. i prim. M.M. Gukhman. M.: URSS, 2005. 344 s.]

³¹ *Ле Гофф* 2001. С. 22.

- Горфункель А.Х. «Молот ведьм» – средневековые или Возрождение? // Культура Возрождения и общество. М., 1986 С. 162-171. [Gorfunkel' A.Kh. «Molot ved'm» – srednevekov'e ili Vozrozhdenie? // Kul'tura Vozrozhdeniya i obshchestvo. M., 1986. S. 162-171]
- Зютмор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с. [Zyutmor P. Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki. SPb.: Aleteiya, 2003. 544 s.]
- Мурзин Е.Б. Трактаты немецких авторов второй половины XVI в. о колдовстве и ведьмах // Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 103-117. [Murzin E.B. Traktaty nemetskikh avtorov vtoroi poloviny XVI v. o koldovstve i ved'makh // Kniga v kul'ture Vozrozhdeniya. M., 2002. S. 103-117]
- Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер с фр. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2001. 800 с. [Le Goff Zh. Lyudovik IX Svyatoi / Per s fr. V.I. Matuzovoi. M.: Ladomir, 2001. 800 s.]
- Мюшембле Р. Очерки по истории дьявола XII–XX вв. / Пер. с франц. Е.В. Морозовой. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 584 с. [Myushemble R. Ocherki po istorii d'yavola XII–XX vv. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 584 s.]
- Нессельштраус Ц. Г. Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб.: Аксиома, РХГИ, 2000. 272 с. [Nessel'shtraus Ts. G. Nemetskaya pervopechatnaya kniga: Dekorirovka i illyustratsii. SPb.: Aksioma, RKhGI, 2000. 272 s.]
- Рассел Дж. Б. Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб.: Евразия, 2001. 480 с. [Russel Dzh. B. Koldovstvo i ved'my v Srednie veka. SPb.: Evraziya, 2001. 480 s.]
- Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem, 1999. 480 с. [Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my. M.: Ad marginem, 1999. 480 s.]
- Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 272 с. [Shart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo / Per. s fr. i poslesl. I.K. Staf. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 272 s.]
- Behringer W. Witches and Witch Hunt. A Global History. Cambridge, Malden: Polity, 2007. xxii, 338 p.
- Broedel H.P. The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief. Manchester and New York; Manchester University Press, 2003. x, 210 p.
- Brown M.P. Understanding illuminated manuscripts: a guide to technical terms. Los Angeles: Getty Publications, 1994. 128 p.
- Geiling J. Gawron, T. Molitor, Ulrich // Lexikon zur Geschichte der Hexenverfolgung, hrsg. v. G. Gersmann, K. Moeller u. J.-M. Schmidt. URL: http://www.historicum.net/no_cache/persistent/artikel/1659/
- Hobbins D. The Schoolman as Public Intellectual: Jean Gerson and the Late Medieval Tract // The American Historical Review, Vol.108, Issue 5. P. 1308-1337.
- Institoris, H. Malleus Maleficarum in Tres Divisus Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abundè continentur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, et diuini verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius. Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. His nunc primùm adiecimus, M. Bernhardi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum, maleficijs. Item. D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs et Pythonicis mulieribus Dialogum. Item. D. Ioannis de Gerson. Olim Cancellarij Parisi[...], de probatione Spirituum, libellum. Item. D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum, de Pythonico contractu. Omnia. Frankfurt am Main: apud Nicolaum Bassaeum, 1580. <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit060>
- Henricus Institoris O.P. and Jacobus Sprenger O.P. Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction; Vol. II. The English Text.
- Kieckhefer R. The First Wave of Trials for Diabolical Witchcraft //The Oxford Handbook of Witchcraft in Early Modern Europe and Colonial America/ Ed. by B.P. Levack. Oxford: Oxford University Press, 2013. P 159-178.
- Klaniczay G. The Process of Trance, Heavenly and Diabolic Apparitions in Johannes Nider's Formicarius // Collegium Budapest Institute for Advanced Studies. Discussion Papers Series. № 65. June 2003.

- Kramer (Institoris) H. *Der Hexenhammer. Malleus Maleficarum / Neu aus dem Lateinischen übertragen von W. Behringer, G. Jeroschek und W. Tschacher. Herausgegeben und eingeleitet von G. Jeroschek und W. Behringer. München, 2015. S. 803*
- Kramer (Institoris) H. *Nürnberger Hexenhammer 1491 von Heinrich Kramer (Institoris). Faksimile der Handschrift von 1491 aus dem Staatsarchiv Nürnberg, Nr. D 251. Herausgegeben von Günter Jeroschek mit Vorwort, Transkription des deutschen Textes und Glossar. Hildesheim, Zürich, New York, 1992.*
- Molitoris, Ulricus. *De laniis et phitonicis mulieribus Teutonice vnholden vel hexen. Reutlingen, nach 10.I. 1489.* <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=inkunabeln/179-2-quod-2>
- Molitoris, Ulrich. *Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc. Augsburg 1508:* <http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/bsb00004293/images/>
- Molitoris, Ulrich: *Von Hexen und Unholden Ein Christlicher nutzlicher und zu disen unsern gefährlichen zeiten notwendiger Bericht; auß Gottes wort, Geistlichen unnd Weltlichen Rechten, auch sunst allerley Historien gezogen Straßburg, 1575 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0002/bsb00024884/images/>*

Бакус Григорий Владимирович, старший научный сотрудник АНО НИЦП «Тверьком», г. Тверь; bakusgrig@mail.ru

Temptation of Tradition Author's self-identification in early demonological treatise

The paper deals with justification strategies for the persecution witch in the late 15th century demonological treatises, such as *Malleus Maleficarum*, *Der Nürnberger Hexenhammer* by Heinrich Institoris and *De Laniis et Phitonicis Mulieribus Teutonice Hexen vel vnholden* by Ulrich Molitor. Written after the Institoris's scandal failure in Innsbruck witch trial, these books contained interpretations of the nature of harmful magic in connection with previous tradition of intellectual culture. Describing *maleficium* both authors tended to justify personal experience in the field of witch hunting and used their treatises as form of communication with secular and ecclesiastical authorities.

Keywords: demonology, *Malleus Maleficarum*, harmful magic, Innsbruck witch trial, intellectual culture

Grigorij Bakus, senior researcher of ANO NICP "Tvercom", Tver; bakusgrig@mail.ru